

А. А. Цуканова, Л. Н. Корнилова
A. Tsukanova, L. Kornilova
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ УРАЛЬСКОЙ
ПОЭЗИИ)**
**THE IMAGE OF A MAN IN THE POETIC PICTURE OF THE WORLD
(BASED ON AN ANTHOLOGY OF MODERN URAILIAN POETRY)**

Аннотация: Статья представляет исследование особенностей лексической репрезентации образа мужчины в современной поэзии. Материалом для изучения послужили стихи современных уральских поэтов. Работа посвящена описанию семантической и грамматической специфики языковых единиц, представляющих образ мужчины. Результаты показывают, что уральские поэты создают многогранный мужской образ через акцент на действиях субъекта, обусловленных его социальной ролью.

Ключевые слова: уральская поэзия; мужской образ; лексема; глаголы действия; семантика.

Abstract: The article presents a study of the features of lexical representation of the image of a man in modern poetry. The study is based on the poems of contemporary Ural poets. The article focuses on describing the semantic and grammatical specifics of linguistic units that represent the image of a man. The results show that Ural poets create a multifaceted image of a man by emphasizing the actions of the subject based on his social role.

Keywords: Ural poetry; male image; lexeme; action verbs; semantics.

Образ мужчины как сложный социокультурный концепт является значимым элементом языковой картины мира [1, с. 45]. Репрезентация образа в художественном дискурсе, в частности в поэзии, отражает не только индивидуально-авторское видение, но и актуальные гендерные стереотипы и культурные коды определенного сообщества и эпохи [2, с. 112]. Настоящее исследование ставит целью выявить лексические средства, формирующие образ мужчины в поэтическом дискурсе современного Урала (2005–2024 гг.), с точки зрения его деятельностных характеристик, эмоциональных проявлений и семейного статуса. Материалом послужила выборка из 101 стихотворения уральских авторов, из которых 47 содержат эксплицитные мужские образы. Приблизительное равенство стихов, раскрывающих мужские (47) и женские (55) образы в случайной выборке, свидетельствует о сбалансированном внимании современных уральских поэтов к репрезентации обоих гендеров, что обеспечивает релевантность выборки для анализа мужского образа.

Для выявления ключевых лексических маркеров образа мужчины применялся метод семантико-тематического анализа поэтического текста с акцентом на вычленении повторяющихся лексем и их тематических групп. Анализ глагольной лексики, являющейся важнейшим средством репрезентации деятельности и характера персонажа [3, с. 78], показал частотное ее употребление, так как в большей части проанализированных стихов (25 из 47) образ мужчины конституируется преимущественно через глаголы. Традиционно глаголы русского языка в контексте описания деятельности подразделяются на статические и динамические [3, с. 82; 4, с. 65]. Анализ материала показал преобладание динамических глаголов (24 стихотворения), которые формирует представление об архетипе активного, деятельного мужчины.

Так, Вадим Балабан в стихотворении «Хлещет вода через рай...» описывает «мужиков», которые чинят, ладят, перекрывают.

*...чтобы чинили уют
или добились косяк
чтобы отладили кран
и перекрыли картель.*

Глагольная лексика подчёркивает маскулинные качества персонажей, такие как сила, ответственность, готовность к труду и помощи в быту. Глаголы работают на создание образа деятельной, целенаправленной личности.

Семантико-тематический анализ поэтического материала позволил выделить группы стихов, характеризующих мужчину с учетом социокультурного компонента. Самой крупной группой по количеству единиц является группа лексем, характеризующих мужской образ с точки зрения семейного положения (18 стихотворений), включающая в себя два типа: женатый мужчина (семьянин) и холостяк.

Образ семьянина (раскрыт в 9 стихотворениях) характеризуется лексикой, содержащей семы «забота», «нежность». Забота и нежность проявляется по отношению к жене и детям. В стихотворении Елены Мироновой «Светает...» герой – «спасательный круг», поддержка для женщины в трудной ситуации:

*Ты меня обнимаешь – выводишь из той темноты,
в середине которой не видно ни лиц, ни углов...*

Физическое выражение заботы и эмоциональной близости передает лексема «обнимаешь»:

*Ты меня обнимаешь – всё меньше становится смерть,
превращаясь в неясную точку на белой стене.*

Отношение к детям маркируется лексемой «сюсюкался» в стихотворении Владислава Семенцула «Рождественская история любви», которая, означает «ласково, сюсюкая, разговаривать с ребенком» [6, с. 1293], подчеркивая отцовскую нежность и вовлеченность в совместную деятельность:

*...сюсюкался с ним
спускал с гор...*

Подобная лексика формирует образ ответственного, эмоционально доступного мужчины, чья идентичность тесно связана с ролью мужа и отца.

Антиподом семьянина выступает образ холостяка (9 стихотворений), чей образ представлен лексикой, содержащей сему «одинокчества»:

*...лежит Попов.
один среди клопов.
заблѣванная кофта.
взъерошенный как птах.
промокший в двух местах...*

Я. Грантс. Попов

Лексемы «заблѣванный», «взъерошенный», «промокший» служат внешними индикаторами глубокого внутреннего кризиса, а также отражают негативные аспекты одиночества, такие как апатия и нежелание действовать, что проявляется в полном отсутствии глаголов действия при описании образа мужчины.

Такое описание усиливает негативные эмоции при восприятии образа холостяка, что заставляет задуматься над отрицательным влиянием одиночества на человека. Ключевые лексемы группы – «один», «одинок», «одинокчество» и отрицательные местоимения «никого», «никто» усиливают ощущение тоски, вызванной изоляцией от общества. Данный образ транслирует преимущественно негативные коннотации холостяцкой жизни.

Важным аспектом конструирования мужского образа выступает группа лексем, характеризующих такое качество, как пьянство, которое раскрывается в 13 стихотворениях и выступает не столько описанием физиологического состояния, сколько репрезентацией определенного эмоционально-поведенческого типажа [5, с. 33].

Этот порок раскрывается через семы, связанные с физическим насилием, например, лексема «бьет», встречающаяся в 6 стихотворениях.

Например, в стихотворении «Буратино» Михаила Куимова лексема «бьет» занимает центральное положение в анализе этого архетипа, так как раскрывает сущность мужского образа во взаимодействии с другими героями.

*Он, когда беспардонно пьян,
В морду бьёт Артемона*

М. Куимов. Буратино

С помощью этой лексемы создается образ агрессивного мужчины, не способного решать какие-либо ситуации мирным путем.

Анализ лексических единиц, репрезентирующих образ мужчины в современной уральской поэзии, позволяет сделать следующие выводы:

1. Динамические глаголы позволяют создать образ активного, деятельного, компетентного мужчины, обладающего маскулинными чертами.
2. Лексемы, описывающие семейное положение мужчины, формируют позитивный образ женатого мужчины-семьянина и негативный образ холостяка, подчеркивают важность семейного вопроса для современных мужчин.
3. Обращает на себя внимание лексика, связанная с описанием пьянства, в которое порой погружен современный мужчина, что говорит о важности этой социальной проблемы.

Библиографический список

1. Беликов, В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2015. – 310 с.
2. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
3. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 400 с.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
5. Ерофеева, Т. И. Социолект: стратификационное исследование : монография / Т. И. Ерофеева. – СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2009. – 178 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов [и др.] ; отв. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.